

СИСТЕМНЫМ КУРЬЕР

ЗАДАНИЕ

ДОСТАВЬ ПОСЫЛКУ
В СРОК

10/10

ОСТАЛОСЬ ВРЕМЕНИ

00:20

МАРШРУТ

650 М

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ

18+

Системный курьер

Сергей Реалов

Системный курьер 1

«Автор»

2026

Реалов С.

Системный курьер 1 / С. Реалов — «Автор»,
2026 — (Системный курьер)

Кирилл Воронов, создатель крупнейшей службы доставки, погибает от отравленного заказа — и просыпается в теле девятнадцатилетнего курьера Льва. Вместо пентхауса — разгромленная квартира, долги и опасные собутыльники. Вместо власти — старый велосипед, больное тело и приложение собственной компании, которое теперь диктует сроки ему. Таинственная система обещает награды за выполненные задания, но чудес не дарит: каждый рубль, маршрут и союзника приходится добывать трудом. Используя опыт бизнесмена, Кирилл начинает строить жизнь заново — с первой доставки, первого клиента и первого честного договора. Это история второго шанса, бизнеса снизу и настоящей человеческой логистики. Но кто убил его, почему выбрали именно Льва и можно ли вернуться к дочери?

© Реалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Реалов

Системный курьер 1

Глава

Курьер с Рублевки
Том 1

Глава 1

— Заказ оформлен, — я прижал подушечку пальца к красной кнопке; она коротко про села под стеклом, и секундомер побежал. — Двадцать семь минут. Если опоздает, господа, с выходом на китайский рынок мы действительно торопимся. Заказ я собрал из ресторана и маршрута, на которых наша служба чаще всего теряла клиентов: сегодня компания везла мне последствия собственных ошибок. Первая секунда сменилась второй, и дождь по стеклу вдруг стал слышен всем.

На стенном экране кухни горели лица шанхайских партнёров. Я стоял у кухонного острова в собственных апартаментах башни «Федерация». За стеклом дождь расчёркивал огни Москва-Сити, а приложение уже сообщило: ресторан в восьми километрах принял заказ.

Переводчик наклонился к партнёрам, выслушал их спор и повернулся ко мне: — Они не принимают московскую выборку. В Шанхае другая плотность адресов и покупатели иначе выбирают время; хотят знать, на чём система будет учиться там.

— Поэтому я показываю вам не презентацию, а работающий бизнес. — Я вывел приложение на общий экран. — Ресторан, обычный чек, мой адрес под инициалами. Кухня не знает заказчика. Автомобильный навигатор обещает тридцать четыре минуты. Моя система — двадцать семь минут. Отсчёт идёт. Я повернул таймер к камере, чтобы спорить пришлось уже не с обещанием, а с цифрами.

На схеме вспыхнула жёлтая точка: кухня начала сборку. Партнёр перестал перелистывать договор и посмотрел на секундомер.

— Один удачный заказ ничего не докажет.

— Докажет, что мы способны выполнить один. Для ста сорока тысяч в сутки у меня есть бухгалтерия, которую вы читаете второй месяц.

Я раздвинул карту двумя пальцами и нажал на жёлтую точку заказа. Поверх улиц легли цветные полосы: красным наливалась загрузка кухни, возле пакета падала температура, значок велосипеда двигался к оранжевому затору, а зелёная пунктирная ветка уходила через открытую калитку. Архитектуру я собрал с разработчиками на данных реальных доставок. Я задержал курсор на последнем слое, прежде чем открыть следующий слой карты.

— В Шанхае ваших правил нет, — заметил партнёр.

— Зато есть ваши опоздания. Дайте обезличенные данные за три месяца — система сама найдёт повторяющиеся провалы и построит местные правила. Первый месяц: два района, ваши рестораны, три дарк-кухни и один узел. Вы ведёте платежи и разрешения, мы — приложение, сборку и доставку.

Я открыл следующий модуль и положил ладонь на холодную дверцу демонстрационного холодильника. Датчик вывел на экран температуру, срок молока и остаток крупы; я убрал последнюю пачку, и система тут же собрала корзину и предложила доставку на утро. Пустая полка стала заказом раньше, чем семья обнаружила бы её за завтраком.

— Пока он живёт у меня дома и на испытательном стенде, — я закрыл схему. — На рынок выйдет после маршрутизации. Будущую версию бесплатно в договор не кладу.

Юрист поднял два пальца. Пункт договора занял весь экран, оставив ему только паузу перед возражением.

Наш юрист уже потянулся к пометке на полях, и я закрыл пункт ладонью: — Полгода предварительной эксклюзивности убираем. Вы не получите нашу маршрутизацию раньше, чем мы — первый китайский заказ. Если нужен односторонний выход на рынок, ищите другого дарителя.

Переводчик спрятал улыбку в кашель. Партнёр оставил страницу открытой, но спорить сразу не стал.

На карте жёлтая точка отделилась от ресторана. Рядом возникло имя курьера, фотография велосипеда, время выдачи и прогноз: двадцать четыре минуты пятьдесят секунд от нажатия кнопки. Алгоритм уже сократил прогноз автомобильного навигатора на девять минут. Чашка партнёра застыла на полпути ко рту.

— Ваш курьер знает, кому везёт? — спросил партнёр.

— Он знает адрес, состав груза и цену опоздания. Я убрал ладонь с груди, не давая жесту превратить ответ в обиду.

Партнёр дождался, пока отметка курьера пересечёт границу района, и подвинул договор к себе: — Покупательские данные остаются у нас. В первый месяц получите восемь ресторанов — больше откроем только после собственной проверки маршрутов.

Я вычеркнул из приложения пять ресторанов и оставил напротив трёх свободные строки: — Данные оставляйте — нужна обезличенная история заказов. Начнём с этих трёх: остальные кухни пока отдают горячее слишком рано для вашего вечернего потока. Сначала заработаем на тех, кого действительно умеем кормить.

Секундомер показывал двадцать пять минут семнадцать секунд, когда в прихожей прозвенел звонок.

— Не отключайтесь, — я развернул планшет так, чтобы камера видела часы и входную дверь. — Сейчас доказательство войдёт в эту дверь. Лифт внизу звякнул этажом, но я не посмотрел на табло.

Микрофон я закрыл одним касанием, связь оставил. Курьер ждал под козырьком: мокрый рукав, жёлтый термокороб, велосипед у ступеней. На его телефоне светились мои инициалы.

— К. Воронов? Доставка. Назовите код, пожалуйста.

— Четыре восемь один два.

Он сверил цифры, вынул запечатанный пакет и холодный напиток из отдельного отделения. Пломба была цела, чек совпал с общим экраном. Курьер пожелал приятного аппетита и побежал к велосипеду.

Я вернулся к острову на двадцать шестой минуте и открыл микрофон.

Я поднял чек к камере и коснулся единственной красной цифры на экране: — Вот доказательство: фактическое прибытие. Полный журнал получите вместе с договором, а сейчас смотрите на разницу — автомобиль всё ещё стоял бы в заторе восемь минут.

Партнёр посмотрел на бумажный пакет, потом на оставшиеся секунды.

— Два района. Без предварительной эксклюзивности. Тридцать дней.

— А на тридцать первый поговорим о восьми, — я остановил секундомер. — Теперь это похоже на бизнес.

Юрист убрал спорную формулировку. Я закрыл конференцию после отправки журнала заказа. У китайской стороны появился месяц реальных данных вместо права забрать технологию на полгода; у меня — два района, за провал которых уже нельзя было спрятаться за презентацией. За окном мокли башни Москва-Сити; на острове лежал ужин, которым моя разработка открыла нам новый рынок.

Дочь прислала фотографию лошади: «В пятницу едем к ней?» Я ответил: «Даже если Китай потребует доставить меня лично». Она прислала в ответ: «Тогда без соуса». Я успел улыбнуться в экран и положить телефон рядом с тарелкой, чтобы не заляпать его соевым соусом.

Первый ролл был обычным. Под лососем второго хрустнула тонкая капсула; ролл отдал горечью, язык онемел, будто после укола.

Палочки выпали из пальцев. Локоть задел стакан, вода растеклась по камню; часть её закапала на пол. Сердце ударило часто, сбилось и замерло на долгую паузу; следующий вдох остановился на половине.

Телефон я поймал со второй попытки и нажал экстренный вызов: адрес высветился у оператора автоматически. До замка я уже не дошёл. Язык деревенел быстрее пальцев. Колени ударились об остров, щекой я лёг в лужу, оставшуюся на камне. На соседнем экране всё ещё горела зелёная отметка: заказ прибыл в срок.

«Хоть здесь не соврали».

Свет на кухне погас. Последней исчезла зелёная строка на экране, и темнота не принесла облегчения.

— Лёвка, подъём. Мы всё выпили, — сообщил над ухом незнакомый мужской голос, и ладонь хлопнула меня по щеке без спроса, будто хозяином здесь был он.

Мне ещё слышался голос женщины из экстренной службы. Я попытался ответить ей, однако вместо слов из горла вышел сиплый кашель. Под щекой была мокрая подушка; белого камня кухонного острова подо мной больше не было. Рука снова потянулась к моему лицу, и на этот раз я успел отвернуться. Ладонь шлёпнула по дивану.

— Во, глазёнки открыл. Живучий, — мужчина навис надо мной, обдав водочным выдохом, и ухватил за плечо, проверяя, смогу ли сесть. — А мы уже думали, опять в коридор тащить.

В нос ударило водкой, дешёвыми сигаретами и прокисшей едой. Желудок свело, щеку холодила липкий линолеум, а над самым ухом кто-то шумно втянул сопли. Я открыл глаза.

Надо мной висел закопчённый потолок. Лампочка горела прямо в лицо. Я лежал на узком диване, под боком давила пружина, а у стола в трёх шагах сидели двое мужчин. Один — седой, с опухшими веками и аккуратными усами, которые выглядели так, будто он расчёсывал их даже в те дни, когда забывал умыться. Второй — лет тридцати, мясистый, в расстёгнутой куртке такси; его гладко выбритая голова блестела под лампой. Между ними стояла пустая бутылка, возле бутылки лежал мой телефон.

Я вдохнул, грудь засвистела, а пустой желудок толкнул к горлу горячий ком. Я свесился с дивана и судорожно сглотнул. Узкая костлявая кисть с чужой родинкой вцепилась в край клеёнки.

Кухня с каменным островом вернулась разом: вода под щекой, открытая входная дверь, голос оператора и зелёная строка «Доставлено вовремя». Следом возникла фотография лошади и слова дочери: «Пап, пятница остаётся нашей?»

Я умер. Прежняя жизнь — имя, компания, дом и пятница с дочерью — осталась по ту сторону оборвавшегося звонка; здесь мне достались чужое молодое тело и время, которого у Константина Воронова уже не было.

Сердце в этой тощей груди зачастило до боли в рёбрах. Воздух оборвался. Перед глазами поплыло лицо дочери; она ещё ждала ответа от живого отца, хотя отвечать ей уже было некому. Я сжал клеёнку до боли и заставил себя разжать пальцы, один за другим. Боль оказалась настоящей. Комната тоже.

Мужчина с усами поднял руку для третьей пощёчины. Я перехватил его запястье прежде, чем ладонь пошла вниз, встретил взгляд и удержал. Он дёрнул рукой, не освободил её и отступил первым; только тогда я разжал пальцы.

Если это была встреча на том свете, принимали здесь скверно: били по лицу и сразу отправляли за водкой. Я удержал язык за зубами: третий удар мог оказаться не пощёчиной.

Над пустой бутылкой вспыхнул тонкий янтарный треугольник с круглой точкой в середине. Он возник сразу после того, как я признал чужое тело своим единственным оставшимся шансом, словно это признание включило неведомый механизм. Янтарь дрогнул на гранях бутылки, но ни Усатый, ни Димка не подняли глаз, а на клеёнке и их лицах света не прибавилось. В воздухе одна за другой проявились строки. Система назвала это первым заданием: вернуть право на собственный дом, добившись, чтобы двое посторонних покинули квартиру. За выполнение полагалось десять кредитов.

Я моргнул. Усатый продолжал чесать ус, лысый — ухмыляться.

«Прекрасно. Эта штука хотя бы сразу назвала мою проблему». Если я выполню условие, Палыч и Димка потеряют квартиру, выпивку и курьера, которого привыкли считать своим; значит, сопротивляться они будут не из одной обиды. Я перечитал условие, не шевеля губами, и прикинул, что из трёх шагов до телефона два уже простреливаются взглядом Димки.

Я упёрся босыми ступнями в линолеум. Пальцы ног шевельнулись, руки тоже слушались, хотя дрожали. При попытке сесть комната медленно поплыла вправо. Я переждал качку, цепляясь за стол, и почувствовал под майкой рёбра, на языке — кровь из прикушенной щеки, в мышцах — тяжёлую ломоту после долгого запоя. Сначала предстояло удержаться на ногах, потом забрать телефон, потом вывести этих двоих за дверь.

— Эй, малой, — мужчина с усами щёлкнул ногтем по бутылке. На безымянном пальце белела полоса от снятого кольца. — Пусто у нас. Сбегай за добавкой, закуску нормальную прихвати. Димка ноги натёр, я давление чувствую. Старших уважать надо не словами, а поступками.

Лысый Димка показал красные ладони и ухмыльнулся только после короткого взгляда на усатого.

— Давай, Лёва, ты у нас быстрый. Пару заказов развезёшь, денежку нам принесёшь, — он постучал кулаком по своим рёбрам, затем подтолкнул ко мне лежавший у бутылки телефон. — Только без фокусов. В прошлый раз уже объясняли, чем заканчиваются разговоры.

Усатый одобрительно качнул подбородком и подтолкнул ко мне пустую рюмку.

— Заодно похмелишься. Руки вон ходуном. Мы тебя ночью откачали, теперь человеком сделаем.

— Палыч, ему хватит, — Димка втянул ладони в рукава и перестал смотреть мне в лицо. — Он у лифта синий лежал. Ты ему водку в рот лил, а он захлёбывался.

— Зато очнулся, — Палыч откинулся на спинку и барски положил ногу на ногу. — Кто на диван положил? Мы. Кто ночь возле него сидел? Мы. А благодарности от тебя не дождёшься. Он загнул два пальца, будто уже записывал эту ночную «заботу» в долг.

Я провёл языком по разбитой щеке. Во рту остался вкус крови.

— Хорошо устроились: сначала обчистили, потом записали это в заботу. Я сказал это ровно, пока ладонь на столе всё ещё прятала дрожь.

Димка фыркнул и тут же прижал кулак ко рту, превращая смешок в кашель. Палыч повернул к нему голову; Димка опустил глаза на бутылку и отодвинул пустую рюмку.

Я сел. Пол качнулся, но остался под ногами. На мне были спортивные штаны и майка с бурым пятном у ворота. Возле батареи валялась толстовка. До неё четыре шага. До телефона — три. Дверь находилась за спиной Димки, зато проход к ней оставался широким. Между мной и обоими стоял стол.

На тумбе лежала квитанция на чужое имя, Палыч распоряжался здесь без спроса, а я не знал даже адреса. — Чья квартира? — спросил я и положил ладонь на стол, чтобы мужчины не увидели, как дрожат пальцы.

Димка рассмеялся и повернулся к усатому.

— Ты слышал, Палыч? Он проснулся — и сразу хозяин, — Димка хлопнул ладонью по столу, однако локоть оставил прижатым к боку. — Твоя квартира, Лёва. Мы тут, можно сказать, порядок охраняем.

Палыч опёрся предплечьями о стол и подался ко мне. На спинке соседнего стула висела его серая рабочая куртка; на груди белела нашивка «П. Н. Костров».

— По бумажке квартира твоя, Лёвушка, — Палыч расправил усы и качнулся ко мне вместе с табачным духом. — А по жизни здесь сидят те, кто тебе жить помогает. Мы тебя подбирали, кормили, откачивали. Значит, отблагодаришь: бутылка, две пачки сигарет, колбаса. Сдачу принесёшь, а не как в прошлый раз.

— И с карты пять тысяч, — Димка потянулся к лежавшему возле бутылки пластику, но Палыч прижал его пальцы своим кулаком. — Долг же.

— Двенадцать, — поправил Палыч, не глядя на него, и подвинул бутылку на середину стола, будто она подтверждала расчёт.

— Вчера восемь было, — Димка выдернул руку и потёр прижатые костяшки. — Ты сам говорил, Палыч. Я ещё переспросил.

— Вчера ты считать умел хуже, — Палыч постучал ногтем по пустой бутылке, обрывая спор. — Сегодня я пересчитал проценты.

Я положил ладонь на край стола, перекрыв Палычу путь к карте: — Сколько раз кормили? Вы сказали «сколько» — назовите хотя бы последний раз. Вчера кормили? Что именно купили и где чек?

Палыч моргнул и перестал крутить крышку бутылки. Крышка щёлкнула в его пальцах, а ответа всё не находилось.

— Чего ты заладил? Мы тебе добро делали, а добро по чекам только жлобы считают, — он потянул к себе пластиковую карту и прикрыл её животом, уже защищая добычу вместо разговора о долге.

Димка опустил взгляд на стол. Рядом с пластиковой картой лежали пустые упаковки из моих запасов. Палыч понял, куда я смотрю, накрыл карту ладонью и сгрёб упаковки локтем.

— Долг покажете переводами и чеками. Трезвыми, — я протянул руку к карте. Пальцы дрожали, поэтому ладонь пришлось положить на клеёнку. — Тогда поговорим. Сегодня ресторан закрылся: официант воскрес и уволился.

— Он ещё шутит. Я тебе сейчас настроение поправлю, — Палыч сунул карту в нагрудный карман, ткнул пальцем мне в грудь и оставил его там, вынуждая отступить. — Рот закрой, одевайся и беги, пока прощу по-хорошему.

Я не ответил сразу. Палыч принял молчание за знакомый страх и обхватил пустую бутылку за горлышко.

Я посмотрел на карман, затем на свободную дверь за его спиной и указал порядок пальцем: — Сначала карта ложится на стол. Потом вы оба уходите. Дверь пока бесплатная, акция короткая.

— Чё? — Димкина ухмылка застыла, а пальцы сжали край табурета.

— Пластик принадлежит хозяину квартиры. Если фраза длинная, начнём с существительного: карта.

Палыч медленно поднялся. Ростом он оказался ниже, чем казался за столом, зато живот натянул рубашку над ремнём. Он упёрся ладонями в клеёнку и приблизил красное лицо так, будто расстояние само по себе должно было вернуть прежнего Льва.

— Ты, щенок, берега попутал? — Палыч шагнул к дивану и протянул руку к моему вороту. — Я тебя отсюда за шкуру вынесу, Димка дверь придержит, а потом сам приползёшь и ещё спасибо скажешь.

Я не отводил взгляда от лысого и развернул телефон микрофоном к нему: — Дима, Палыч оставил вам самую дорогую часть. Он начнёт, а заканчивать и объясняться придётся вам.

Димка перестал улыбаться и потянулся к ботинкам у двери.

— Дима, ботинки Палыча уже на ногах, а ваши у двери, — я указал телефоном на его босые ступни, заставив взглянуть вниз. — Он уйдёт первым. Вы останетесь обуваться перед включённой записью — рядом с бутылкой и его угрозами.

Димка посмотрел на свои ботинки, потом на Палычевы. Усатый машинально переставил ногу ближе к выходу. Телефон лежал на столе экраном вверх. Я вернул главное меню, включил запись, и красная точка загорелась между тремя лицами.

Я развернул микрофон к ним и начал запись с адреса: — П. Н. Костров и Дима находятся в чужой квартире, требуют деньги и напоминают о прежних побоях. Можете повторить угрозу громче, чтобы утром никому не пришлось угадывать интонацию.

Палыч устался на аппарат. Димка толкнул стол коленями и подался вперёд, перенося вес на ноги. Босую пятку я уже завёл за заднюю перекладину его табурета; оставалось выпрямить ногу. Табурет ушёл по линолеуму, Димка сел в пустоту, тяжело хлопнулся на пол и ударился локтем о край стола. Бутылка покатила к стене, собирая на стекло крошки.

Тело тут же потребовало плату. Перед глазами прошла тёмная волна, сердце забилося в горле, пальцы свело. Я удержался ладонью за стол, выдернул второй табурет и поставил перед собой сиденьем к Палычу. Палыч шагнул и встретил дерево в пяди от носа. Пусть вся сила оставалась у него; мне хватало преграды и расстояния.

— Убери эту хрень! — он отшатнулся и схватился за пуговицу, которой коснулся край сиденья.

Я опустил табурет на полпальца, но проход не открыл: — Стойте, Костров. Так для вас безопаснее. Положите карту на стол — и расходимся без новых записей.

Фамилия с инициалами сняла с него ещё слой пьяной красноты: нашивка висела на куртке, а «Палыча» назвал Димка.

— Там мои деньги, — Палыч похлопал по нагрудному карману, услышал собственные слова из динамика записи и замер с ладонью на украденной карте.

Я повернул экран так, чтобы он увидел бегущую запись: — Спасибо. За четыре минуты вы успели назвать себя, повторить угрозу и объяснить, зачем у вас чужая карта. Не останавливайтесь, протокол любит производительных людей.

Димка поднялся на четвереньки, прижимая ушибленный локоть. Лицо у него побелело; он попробовал разогнуть руку, не смог и выдохнул сквозь зубы:

Димка нашёл у двери один ботинок и, продолжая искать второй, протянул Палычу ладонь: — Отдай ему пластик. Код он всё равно сменит, а я из-за твоих процентов тут ночевать не буду.

Карта появилась между двумя пальцами и шлёпнулась на клеёнку. Я прижал её ладонью.

Табурет дрожал в моих руках, и я замедлил речь, назначая каждому ближайшее действие: — Заканчиваем удачно — своими ногами. Дима, обувь. Костров, куртка, бутылка, мусор. Запись остаётся у меня. Завтра позвоните трезвыми — обсудим долг по чекам. Задержитесь сейчас — будете обсуждать его с патрулём. Начали.

Димка поднялся, растирая локоть, и первым делом посмотрел на Палыча. Их союз прожил ровно до мгновения, когда у общей наглости появилась отдельная цена для каждого.

— Пошли, Дим. Чего с больным связываться, завтра проспится и сам приползёт, — Палыч снял с крючка серую куртку и натягивал рукав уже на ходу, отступая от стола к двери.

Я двинул сиденье вслед за ним и носком подтолкнул к двери пакет с бутылками: — Мусор тоже заберите. В стоимость выхода уборка включена.

Палыч дёрнул щекой, сгреб пустые пачки в пакет, сунул туда бутылку и бросил Димке ботинки. Я открыл дверь, отступая к стене так, чтобы стол всё время оставался между нами.

За дверью напротив шаркнули тапочки и звякнула цепочка. Дверь распахнулась; на пороге стояла широкоплечая женщина в синем халате и розовых бигуди, со скалкой в руке. Она задержала взгляд на мусорном пакете.

— Павел, бутылку из лифта заберёшь, — распорядилась она, постукивая скалкой по косяку. — Внук второй раз проснулся от вашего грохота, а у вас здесь гастрологи с тарой.

— Тамара Витальевна, не начинай. Иди домой, мы уже закончили, — Палыч втянул голову в плечи и попытался протиснуться мимо неё боком, но она переставила пакет ему под ноги.

— Я дома. Это ты третий день адрес путаешь, — она переступила через его ногу, подняла детский носок и сунула бутылку Палычу под мышку, даже не посмотрев на табурет в моих руках. — Четвёртый этаж твою совесть больше не принимает.

Палыч встретился с ней взглядом и первым отвернулся.

Димка натянул второй ботинок, поднялся и задержался у порога.

— Лёва, ты реально поехал. Вчера пластом валялся, слова связать не мог, а сегодня начальника строишь, запись включаешь... Ты кого из себя изображаешь?

Я кивнул на освободившийся коридор и опустил табурет: — Хозяина квартиры. На сегодня роли закончились — вы уходите.

Он шагнул в коридор. Палыч вышел следом, прижимая к боку пакет с мусором. Я закрыл дверь, повернул верхний замок и накинул цепочку. Комната впервые затихла.

Когда цепочка легла в паз, над ней налился янтарём знакомый треугольник. Внутри него по очереди проступило: чужие ушли, квартира снова моя; за это система прибавила десять кредитов и открыла курьерскую ветку.

— Наконец-то работодатель, который платит сразу, — выдохнул я. Шутка не сняла вопроса: кто видел меня изнутри, чем были эти кредиты и какую цену попросят после первого подарка. Но десять единиц уже светились перед глазами — значит, видение умело не только приказывать.

Я коснулся красного квадрата на экране и остановил запись.

Табурет выпал из рук.

Я успел опуститься рядом с ним, прежде чем колени сложились сами. Воздух входил короткими порциями, в правой кисти бегала мелкая судорога. Победа заняла несколько минут и обошлась телу так, словно я разгрузил машину один.

«Хорошо, богатырь. Теперь хотя бы дыши убедительно».

Я лёг на бок и дождался, пока комната перестанет вращаться. Потом сел у кухонного шкафа, вымыл найденную кружку и маленькими глотками выпил воды. Желудок дважды пытался вернуть её. Я натянул толстовку и остался сидеть на полу.

Отдышавшись, я заглянул за тамбурный шкаф. Рядом с обувью лежала жёлтая курьерская сумка.

Телефон лежал у табурета. Я поднял его. Экран узнал лицо прежнего владельца этого тела, пропустил меня внутрь и сразу показал рабочее уведомление.

На жёлтой сумке белела знакомая вилка в красном круге.

Приложение обращалось ко мне чужим именем, которое пьяные мужчины повторяли всю ночь.

«Лев, вам назначен первый заказ утренней смены в “Еда Быстро”. Подтвердите выход. Адрес откроется на линии. До начала — пятьдесят восемь минут».

Я посмотрел на сумку за тамбурным шкафом и на закрытую дверь, за которой впервые стало тихо.

Теперь право на следующее утро приходилось зарабатывать собственными дрожащими руками.

Другого документа, денег и доступа к прежней жизни у меня не было; приложение уже знало это лицо и оставляло пятьдесят восемь минут до единственной доступной смены. — Значит, поработаю курьером в собственной фирме. Ладно, Лёва, вставай, — сказал я и услышал, как сиплый голос сорвался на втором слове; пришлось откашляться и повторить уже громче. — Заодно проверим на своей шкуре, стоили ли мои регламенты бумаги.

Глава 2

— Пятьдесят семь минут, — сказал я потухшему экрану. Провёл ладонью по острым скулам, убрал с глаз нечёсанные волосы, взялся за дверную ручку и вытолкнул себя на ноги. Колени подломились; я удержался и остался стоять.

Я толкнул дверь тамбурного шкафа плечом, вытащил куртку и положил рядом с телефоном. Потом выставил на стол стакан и мелочь из карманов — четыре контрольные точки вместо прежней складской панели. Пятьдесят семь минут. Сначала вода и одежда, потом документы, деньги и маршрут.

В холодильнике нашлась начатая бутылка водки, заткнутая газетой. Я выпил её в раковину. Запах шибанул в нос; к горлу подкатила горячая волна, рука дёрнулась вслед за жидкостью. Я вцепился в край мойки и пустил воду, пока последние капли уходили в слив.

Телефон на кухне завибрировал. Рабочий чат успел накопить сообщения за ночь. Оксана в 5:42 отметила мой вчерашний незакрытый маршрут и потребовала подтвердить утреннюю смену до 6:20. Ниже Стас написал: «Лев, велик у гаражей, ключ где всегда». Ещё два курьера поставили смеющиеся значки, кто-то предложил искать меня в вытрезвителе. Подтверждение горело жёлтым прямоугольником, до его закрытия оставалось четыре минуты.

Я нажал «выйду» и написал Оксане: «Буду до начала. Дайте первый свободный маршрут. Вчерашние пропуски разберу после смены — если не выведу вечером, пришлю утром». В первой версии я успел набрать обещание закрыть восемь заказов без опозданий. Посмотрел на дрожащую руку, стёр цифру и отправил сообщение без неё.

Часы на плите показывали без сорока двух минут семь. За это время требовалось найти форму, документы и деньги; дорогу до точки обещал показать Стас, уже ждавший у гаражей. Из кухни я прошёл через прихожую обратно в комнату и открыл единственный шкаф.

На нижней полке лежала стопка бумаг, придавленная старым зарядным устройством. Я присел, колени хрустнули, и плечом придержал дверцу, чтобы она не закрылась. Пальцы цепляли по два листа вместо одного. Таймер до начала смены на телефоне сменил сорок две минуты на сорок одну.

Паспорт я искал в единственной стопке домашних документов; он нашёлся в потрепанном пластиковом файле вместе со справкой из детского дома и ордером социального найма. На фотографии было моё нынешнее лицо — короче стриженное, без теней под глазами, в белой рубашке. Адрес в ордере совпадал с квартирой. Теперь я знал, чью дверь защищал; оставалось понять, под каким именем выходить из неё.

Курьев Лев Андреевич. Девятнадцать лет. Москва.

Из файла выскользнула заламинированная карта с наклейкой «Курьерский проездной» и трещиной у края. Фамилия совпадала, номер читался, срок заканчивался в воскресенье. Проезд по городу был оплачен ещё до моего появления. Я положил карту в барсетку: вопрос «чем ехать» получил половину ответа. Вторую половину — выдержит ли дорогу тело — предстояло проверить на лестнице.

Справку я развернул уже у окна, где серый рассвет давал больше света. За стеклом тянулись гаражи, где, судя по сообщению Стаса, ждал велосипед; по мокрому двору к мусорным бакам шла женщина с пакетом. Я провёл пальцем по строкам: детский дом — с четырёх лет; выпуск — три года назад; постинтернатное сопровождение — до восемнадцати. На словах «программа трудоустройства» остановился и сверил название партнёрской организации с логотипом приложения в телефоне.

Я сложил справку с ордером в файл. Никаких дополнительных объяснений о сиротстве бумага не требовала. Сейчас в распоряжении был один курьер, велосипед за гаражами и опыт, который не помещался ни в одном паспорте. Я застегнул файл и поставил его у двери. Для первого утра требовалось лишь выйти вовремя.

Жёлтая курьерская куртка висела у двери. Я снял её с крючка и надел, застёгивая молнию до самого горла. Ткань пахла хлоркой из прачечной и слабым химическим запахом новой синтетики — форму выдали недавно. Я задержал взгляд на собственном логотипе и расправил его ладонью. Сегодня компания покажет мне снизу всё, чего я не видел из кабинета.

Курьерская сумка стояла за тем же тамбурным шкафом, забитым обувью. Я вытащил её на свет: пластиковый термобокс на широких лямках, потёртый по углам, с застёжкой, которую пришлось дважды провернуть, прежде чем она поддалась. Внутри лежал сложенный вчетверо влажный пакет — очевидно, забытый после какой-то прошлой смены, — и одноразовые перчатки в отдельном кармашке сбоку. Я вытряхнул старый пакет, протёр внутренность сумки рукавом толстовки и закинул её на плечо. Ремень врезался в бок, ушибленный вчера у лифта, и я передвинул лямку на другое плечо, поморщившись.

До смены оставалось пятнадцать минут. Я проверил в барсетке паспорт, ордер и справку, убрал туда телефон и деньги, застегнул молнию. В квартире остались неубранный стол, бутылка в мешке под раковиной и фотография мальчика с мячом, которую я вернул на стену после ночной драки.

«Держись, — сказал я фотографии, выходя. — Ты был неплохим футболистом, судя по улыбке. Посмотрим, каким выйдет из тебя курьер».

Дверь за спиной я запер на оба оборота. Цепочка всё ещё держалась на коротких шурупах, а дверь запирали старый замок. Укрепление двери и замену личинки я поставил в очередь сразу за сегодняшней задачей — пережить смену.

Подъезд пах сырым бетоном и кошачьей мочой; лифт в пятиэтажке давно не работал. Я спускался, держась за перила. На втором пролёте сердце зачастило, на третьем в глазах потемнело. Пришлось вцепиться в поручень обеими руками и переждать, пока площадка перестанет качаться.

Когда я отпустил перила, система отозвалась знакомым теплом — тем же, которым отметила запертую дверь и первое выполненное условие.

«Курьерское задание.

Выполните десять доставок.

Награда: десять кредитов».

Я задержался на площадке и раскрыл старое приложение домашнего модуля. Остатки продуктов, собранная корзина, лучший маршрут — три знакомых раздела; заданий и наград среди них не было. Я поднёс телефон к янтарному треугольнику: камера показала пустую площадку.

— Десять доставок за десять кредитов. Понял, идём дальше, — я продолжил спуск. — Если «кредиты» здесь вообще валюта, осталось узнать их курс. Пока это только внутренние единицы неизвестной системы.

Холодный воздух ударил в лёгкие приступом кашля. Каждый толчок царапал грудь изнутри; я уперся рукой в дом. Женщина с собакой покосилась на кашляющего парня в жёлтой куртке и прошла дальше, не сбавляя шага.

Во дворе висели качели без цепи, пустовала песочница, на облупленной зелёной скамейке двое пенсионеров делили термос. За домом тянулись гаражи-ракушки. У одного курил парень лет двадцати пяти в жёлтой куртке с таким же термобоксом.

— О, Лёва, — сказал он, заметив меня, и щёлкнул окурком в сторону урны, не глядя, привычным движением человека, который делает так каждое утро. Окурок влетел точно в цель. — Живой. А то вчера от тебя весь чат горел — то ли ты в больницу попал, то ли вообще того.

Он был плотным, с короткой стрижкой и красным от утреннего холода лицом, а рукой почёсывал шею через воротник куртки. На манжете у него засохла светлая капля соуса, а на запястье мигал дешёвый фитнес-браслет с половиной пятого сна; он то и дело косился на время, будто смена уже успела его обмануть.

— Хоронить рано. Ночь пока выиграла только по очкам, — я остановился напротив.

Он всмотрелся в моё лицо и прищурился.

— Ты чего такой... трезвый прямо? Ты вообще когда трезвый бываешь, я забыл уже.

— С сегодняшнего дня бываю. — Я поправил лямку сумки на плече, привычно проверяя застёжку большим пальцем — движение, вынесенное прямо из прежней жизни, где я точно так же проверял защёлку портфеля перед важной встречей. — Тебя как зовут, извини, что спрашиваю — башка после вчерашнего не варит.

Он фыркнул, но не обиделся — судя по всему, провалы в памяти после долгих запоев были для этого двора настолько обычным делом, что вопрос никого не удивлял.

— Стас. Мы с тобой две недели на соседних маршрутах бегаем, ты чего, реально не помнишь?

Я затянул лямку на плече, удерживая короб другой рукой, и выдержал его взгляд.

— Реально не помню. Расскажи про сегодняшнюю смену, будто я первый день работаю. Я лучше переспрошу сейчас, чем сорву маршрут.

— Тогда до Барыковской едешь за мной, — Стас затянул воротник и указал двумя пальцами сперва на себя, потом на дорогу. — По пути покажу, где велик заносит и как короб крепить. На точке с Оксаной объясняешься сам. После первого адреса пишешь в чат. Пропадёшь — подниму шум раньше, чем тебя снова найдут у лифта.

— До склада показываешь дорогу. На точке говорю с Оксаной сам, после первого адреса пишу тебе одним сообщением, — я протянул ему руку. — Шум пока не поднимай. После первой доставки сам напишу.

Стас сжал мою ладонь один раз, коротко, явно решив для себя, что переспрашивать о причинах бессмысленно, оттолкнулся от гаражной стены и зашагал в сторону арки, кивком приглашая идти рядом.

— Куда пошёл? — он поймал меня за лямку и развернул к торцу гаража. — Велик свой забери. Вчера так бросил, будто его за тобой похоронят.

За ржавой ракушкой к трубе отопления был пристёгнут зелёный велосипед. Узкая рама, багажник с потрескавшимися резинками, передняя фара на изолянте. Седло блестело от инея, цепь провисла, передняя шина осела под собственным весом.

— Ключ? — я похлопал карманы куртки.

— У тебя в сумке всегда жил. Боковой карман, под перчатками. Ты его туда прятал, потом полдвора обвинял в краже.

Ключ нашёлся там, где Стас и обещал. Замок щёлкнул со второго оборота. Я вывел велосипед к свету фонаря, нажал обе тормозные ручки и прокатил раму вперёд. Заднее колесо остановилось сразу, переднее продолжило вращаться.

— Я вчера на нём ездил?

— Да. Передний тормоз утром ещё работал.

Я снова сжал ручку: трос почти не шевельнулся, зато колодка скребнула об обод с сухим щелчком.

— Значит, ночь тоже поработала. Дай шестигранник.

Стас поднял брови.

— Ты уверен, что память потерял? Вчера после твоей проверки мы этот тормоз со столба снимали.

— Сегодня проверю тормоз до поездки. Вчерашнего столба мне хватило.

Он вытащил из своего бокса складной набор. Я присел перед вилкой, подтянул трос на два оборота и снова проверил ручку. Голова помнила движение, но пальцы не слушались; холодный шестигранник выскользнул и стукнулся о бетон. Пока я поднимал его, в затылке натянуло горячую струну, а колени задрожали.

— Сядь, — Стас подставил перевёрнутое ведро. — У тебя лицо сейчас цвета февральского снега у дороги.

— Вижу. Сейчас посижу минуту.

Я сел, упёр локти в бёдра и подождал, пока гаражи перестанут медленно ехать влево. Стас молча достал из ракушки ручной насос, накрутил шланг на ниппель и начал качать переднюю шину. Плечи у него двигались ровно, без показной спешки.

— Ты всегда чужие велосипеды обслуживаешь перед работой?

— Только тем, кто зимой мою «Ладу» прикуривал. И тем, кто выглядит так, будто его самого надо накачивать.

— Вторая категория перспективнее.

— Вторая категория обычно врёт, что всё нормально.

Я поднялся, когда пульс перестал толкаться в виски, и опустил седло на два пальца, чтобы при новом приступе сразу поставить обе ноги на землю. За скорость приходилось платить коротким ходом педали, зато следующую остановку я мог пережить, не падая.

Стас вывел из-за соседней ракушки свой серый велосипед, проверил ладонью заднюю шину и повесил термобокс на багажник.

— Дай маршрут до склада: покрытие, слепые выезды, всё, из-за чего придётся тормозить, — попросил я.

Стас постучал по рулю.

— Дворами три километра. По дороге две ямы, одна собака у автомойки и тётка с красной коляской. Собака лает, тётка кусается.

— Наконец-то подробная карта рисков.

Я поставил ногу на педаль. Первый оборот дался легко, второй отозвался тупой болью в бёдрах. На третьем велосипед качнулся, и Стас придержал багажник.

— Передачу скинь, чемпион. Ты вчера крутил на тяжёлой, потому и ноги ватные.

Я перевёл цепь на большую звёздочку сзади. Педали пошли чаще, зато колени перестали принимать каждый оборот как личное оскорбление. Мы выкатились из двора рядом: Стас ехал на полколеса впереди и то и дело оглядывался, а я осваивал баланс нового тела.

У первой арки ветер ударил в пустой термобокс и попытался развернуть меня поперёк дорожки. Я прижал локти, подался вперёд и выровнял руль. Бокс сидел высоко, превращая каждый боковой порыв в чужую ладонь между лопаток. В прошлой жизни я утверждал новый стандарт сумок после двух совещаний и показа манекена в аэродинамической трубе. Ни один манекен тогда не сообщил, что на худом курьере пустая сумка ведёт себя хуже полной: груз хотя бы прижимает её к спине.

— Лямку снизу через пояс продень, — Стас сбавил ход и потянулся к свободному ремню на моём боку. — У тебя поперечная опять болтается.

Я остановил велосипед у ограды детской площадки. Ремень оказался скручен и пропущен за спинной подушкой, поэтому пряжка висела у локтя вместо живота. Разбирать её замёрзшими пальцами пришлось почти минуту. Стас держал мой руль, пока я протягивал ленту через нижнее ухо, затем дёрнул застёжку на себе, показывая, как должна лечь нагрузка.

— Вот теперь ветер будет драться сразу с тобой, а не с коробом отдельно, — он отпустил руль и всмотрелся в моё лицо. — Ты вчера этот ремень вообще отрезать собирался. Кричал, что компания придумала удавку для рабов.

— Значит, дело было не в ремне. Вчера я затянул его неправильно.

У выезда на широкую улицу приложение предложило короткий путь по тротуару вдоль стройки. За сетчатым забором работал экскаватор, гусеницы вытаскивали на плитку жидкую глину. Первый же курьер впереди нас въехал в рыжую кашу, заднее колесо повело, парень выставил ногу и едва удержал высокий короб.

Стас уже повернул следом за навигатором. Я перехватил его за рукав.

— Через двор школы.

— Там крюк.

— Двести метров сухого асфальта против ста метров глины. На глине потеряешь больше, ещё и пакет потом отмывай.

Мы свернули под кирпичную арку. Школьный двор только открывали: дворник сдвигал лопатой тонкую корку снега, из котельной шёл тёплый пар. Асфальт действительно оказался чистым до второго выхода, зато ворота на дальнем конце держала тяжёлая цепь, оставляя щель шириной с руль. Стас снял сумку с багажника, протиснул велосипед боком. Я повторил, но ремень зацепился за прут. Плечо дёрнуло назад, синяк под курткой вспыхнул болью.

— Крюк был честнее, — выдохнул я, освобождая пряжку. — Записываем: калитка пропускает велосипед и задерживает владельца.

— Ты реально всё записывать будешь?

Я достал телефон из барсетки, открыл карту и поставил метку у ворот: «узкая щель, с грузом обход». Палец дрожал над экраном, поэтому слово «грузом» получилось только со второго раза.

— Эту калитку — да. Полный короб здесь зацепится первым же ремнём. Оставляю как «проезд» — завтра кто-то заплатит плечом.

Стас придержал калитку ногой, помогая мне вывести заднее колесо.

— И что компания с моей спиной сделает?

— Для начала увидит, где именно ты ею платишь. Вечером покажу Оксане метку и свой синяк — пусть решает уже с цифрами.

— Оксана карты не правит, — Стас упёрся коленом в створку, удерживая щель. — Отправит твою метку в поддержку, а там до весны ответят: «Спасибо за обращение».

— Держи телефон. — Я встал боком у прутьев так, как пришлось бы протискиваться с полным коробом. Стас снял щель, зацепившуюся пряжку и красный след над синяком. —

Ширина прохода, сорок секунд на возню, след от ремня. Три факта вместо жалобы. Оксане будет что передать наверх.

— Ты ещё синяк в накладную внеси, — Стас вернул телефон и покосился на красный след.

— Внесу. Отдам компании без НДС, если она перестанет собирать их с курьеров.

Стас снова смерил щель. Метка превращала мою ошибку в повторяемую цену маршрута: полный короб цеплялся раньше рамы, ремень тёр кожу, к вечеру курьер терял темп.

Он посмотрел на меня через плечо, словно хотел уточнить, что я имею в виду, но со двора уже выкатывались две машины, и разговор снова стал движением. До светофора мы ехали по одному. Я держал темп по дыханию: четыре оборота — вдох, пять — длинный выдох. На подъёме к трамвайной линии счёт сбился, сердце стало биться у горла. Я переключил передачу ещё ниже и позволил Стасу уйти вперёд на десять метров.

Он дождался у остановки, поставив ногу на бордюр. Реклама энергетика на павильоне обещала «включить максимум» одним глотком. Под ней стоял автомат с кофе и сладкими батончиками. Желудок отозвался на яркую обёртку, но пятьсот рублей во внутреннем кармане имели другое назначение: связь, проезд после окончания льготного срока, первая авария велосипеда. Я вынул из держателя Стасову бутылку, сделал два глотка и закрыл крышку.

— Купить тебе батончик? — Стас уже держал у автомата карту.

— После первого заказа куплю сам. Ты уже вложилась насосом и ведром.

— Ты точно вчера головой ударился.

— Несколько раз. Наконец попали в полезное место.

Зелёный свет включился. Стас засмеялся и первым выехал на переход. Я двинулся следом, заранее спешившись у высоких рельсов: рывок через металл сберёг бы три секунды, падение забрало бы смену. За нами сигналил водитель фургона. Я провёл велосипед до сухой полосы, снова сел и только там позволил себе прибавить.

— До Барыковской меньше километра. Держись? — Стас оглянулся через плечо, проверяя, не отстал ли я.

— Пока да. Если замолчу, считай это экономией дыхания, а не возвращением вчерашнего Лёвы.

Телефон бился о бедро при каждом обороте. В нём уже лежала первая метка; в руках оставались поправленный тормоз и правильно затянутый ремень.

У автомойки обещанная собака высунулась из будки и обругала нас до самой арки. Тётка с красной коляской пересекла дорожку, не глядя; я затормозил обеими руками, поставил ногу на асфальт и пропустил её. Передний тормоз удержал.

— Сегодня не въехал, — Стас хлопнул меня по багажнику. — Уже лучше.

— На Барыковской дарк-стор: без витрин, только сборка. Пакет с твоей биркой лежит на полке, лист приходит перед стартом. Первый заказ обычно ждёт заранее: ищи фамилию, чужие пакеты руками не переставляй. Оксана держит смену; пока кофе не выпила, лишних вопросов не любит.

— Норматив по времени сегодня какой? — я выровнялся рядом с ним.

— По городу пятнадцать минут от стойки до двери. Частный сектор и элитка — двадцать: шлагбаумы съедают время. — Он втянул голову в воротник от встречного ветра. — Районы у нас разные, на сборке ещё увидимся.

На следующем светофоре Стас потянул мою лямку вверх и дождался у бордюра, пока я перетянул ремень.

— Сумку выше. Теперь вдохни, — он проверил пряжку одним пальцем. — Режет грудь — отпусти на деление. Я на первой неделе затянулся красавцем и три дня разгибался руками.

— Жаль. Я как раз рассчитывал продать ему профиль, — я проверил вдох, отпустил пряжку на одно деление и двинулся только вместе со Стасом. Дальше держал скорость,

при которой дыхание оставалось глубоким. Холод резал щёки, шины шуршали по влажной дорожке, в пальцах ног постепенно появлялось тепло. До Барыковской я доехал сам, не слезая и не падая. Уже достижение, только чудо пока продолжало молчать.

— Профиль потом показывай, — бросил Стас. — Сначала научись доезжать без синего лица.

Дарк-стор без вывески стоял между шиномонтажом и заброшенным магазином техники. Его выдавала красно-белая вилка на металлической двери и десяток курьеров в жёлтых куртках. Молодые топтались и переговаривались; седой мужчина лет шестидесяти курил в стороне, привалившись к стене.

Внутри пахло картоном, холодным пластиком и свежей выпечкой. Стеллажи и открытые холодильники делили склад на зоны. Сборщики в синих фартуках перекладывали товар в пакеты по заказам на экранах. У входа молодая женщина с растрёпанным хвостом одновременно печатала, говорила по гарнитуре и держала кружку кофе.

Стас кивнул на женщину у входа и тихо подсказал:

— Оксана.

Потом отошёл к своей полке, где уже лежал собранный пакет с его именем на бирке.

Я подошёл к стойке. Женщина подняла на меня взгляд, окинула быстрым, профессионально цепким осмотром — так смотрят люди, которым за смену нужно оценить десятки лиц за секунды, — и её брови чуть приподнялись.

— Курьев? Ты сегодня рано. И трезвый, — добавила она с явным удивлением, не отрывая пальцев от клавиатуры. — Погоди, у меня твой лист ещё не подтянулся. Смена официально через семь минут.

— До старта проверю сумку, — я отступил на шаг, освобождая очередь.

— Восемь заказов, обычный центр. Первый — вторая полка. — Она бросила короткий взгляд на монитор, потом снова на меня, будто проверяя, не почудилось ли ей моё поведение. — Что с тобой сегодня? Две недели выходил через раз; ещё один пропуск — и снимаю тебя с графика.

— Оставьте меня в графике до вечера. Восемь заказов ответят точнее меня.

Она посмотрела на меня чуть дольше положенного, будто взвешивая эту фразу на весах собственного опыта — судя по морщинке между бровей, опыта у неё с курьерскими обещаниями было достаточно, — и коротко кивнула, возвращаясь к монитору.

— До вечера, — Оксана развернула ко мне строку маршрута и постучала ногтем по восьми адресам. — Первый пропущенный звонок — заказ отдаю другому. Жалоба без твоего ответа — снимаю остаток маршрута. Закроешь всё — завтра верну обычную очередь.

— Отсчёт каждого адреса с выдачи, а не с начала смены? — Я дождался, пока она подняла глаза от монитора. — Раньше пришёл я. Лист подтянулся позже. Своё время беру на себя, чужое в результат не кладу.

— С выдачи. Раньше пришёл — заработал право раньше взять пакет. Остальное зарабатываешь у двери клиента.

— Честно. Где мой пакет?

— Забирай пакет со второй полки. Адрес в приложении, там же телефон получателя, если что.

Пакет на второй полке действительно лежал с биркой «Курьев Л.» — плотный бумажный мешок, из которого через щель в верхней части выбивался слабый пар с запахом свежесваренного кофе и чего-то мучного. Я взял его за верёвочные ручки, удержал вертикально и уложил в термобокс по старому правилу собственной службы: тяжёлое и устойчивое вниз, хрупкое и тёплое сверху, свободное место забрать, пока его не забрала первая кочка.

Телефон завибрировал во внешнем кармане барсетки — приложение показывало адрес, имя получателя и короткий комментарий: «Домофон не работает, звонить заранее». Я снял

велосипед с упора у входной стены и вывел следом за Стасом; за дверью наши маршруты расходились.

От подошвы по голени прошло короткое тепло. На краю зрения янтарём обозначились пятнадцать штатных минут и рядом — мои десять; ниже появились три ясных требования: не вскрыть пакет, довезти горячим, передать без жалобы.

— У меня десять минут, — сказал я и повернул руль к центру.

— После первого адреса жду сообщение, — бросил Стас через плечо, выруливая к перекрёстку. — Хотя поворачиваешь так, будто память нашлась раньше тебя.

Район узнавался кусками: старый сквозной двор, неудобный выезд, светофор, на котором когда-то теряли по четыре минуты мои машины. Между кусками лежали новые шлагбаумы и чужие ремонты, поэтому памяти я доверял лишь после проверки глазами. Стас уже ушёл к перекрёстку; я кивнул ему вслед, сел на велосипед и свернул по указанному приложением маршруту.

«Восемь доставок, — напомнил я себе, сверяясь с картой на телефоне. — Начали».

Адрес привёл меня к бизнес-центру у метро, стеклянной башне двадцатых годов постройки, у входа в которую уже толпилась очередь курьеров разных служб — жёлтые, зелёные, синие куртки вперемешку, каждый со своим термобоксом, каждый тыкал пальцем в домофон или спорил с охранником за стойкой. Я, потыкавшись минуту в неработающий звонок, набрал номер получателя напрямую.

Сквозь спор нескольких голосов и звон посуды женщина быстро проговорила:

— Алло. Вы от «Еда Быстро»? Я в переговорной, спуститься не могу, у нас через пять минут прямой эфир начинается. Оставьте на стойке внизу.

— На ресепшине заказ остынет за десять минут, а кофе за пять, — сказал я, глядя на охранника за стеклянной стойкой, который уже качал головой в мою сторону, явно готовясь повторить стандартную фразу про то, что курьеров наверх не пускают. — У вас там завтрак для скольких человек?

— Для восьми. Клиент из Гонконга уже на связи, через пять минут мы показываем ему проект. Если люди уйдут из кадра за холодным завтраком, встреча начнётся с извинений. Оставьте на стойке, секретарь заберёт, когда освободится.

Охранник услышал про Гонконг, перестал качать головой и покосился на внутренний телефон. В трубке получательница выдохнула и добавила уже тише:

— Постарайтесь довезти горячим. Если завтрак сорвёт начало, отвечать мне.

Глава 3

Через пять минут клиент уже мог пожаловаться на остывший кофе, а между мной и лифтом сидел человек, которому платили именно за слово «нет». Разговор с получателем оборвался раньше, чем я успел уточнить детали. Я убрал телефон в карман и подошёл к стойке охраны — грузному мужчине под пятьдесят с планшетом пропусков. Его взгляд скользил по курьерам, не задерживаясь ни на одном лице.

Я поставил термобокс на стойку, раскрыл молнию и развернул к охраннику экран заказа: — Девятый этаж, переговорная, восемь завтраков; клиент из Гонконга уже на связи. Вот температура на выдаче и расчёт потери за каждую минуту. Выбирайте: разовый пропуск на пять минут или звонок арендатору сейчас. Через минуту очередь перекроет стойку, и решение станет дороже для всех.

Я оставил короб открытым. Над крышками ещё дрожал пар, но к выходу из дарк-стора он уже успел поредеть. За моим плечом двое курьеров переступили ближе к стойке. Охраннику предстояло либо потратить полминуты на внутренний звонок, либо объяснять арендатору, почему восемь завтраков остыли у турникета перед эфиром.

Охранник посмотрел на меня внимательнее, чем я ожидал от человека, отсидевшего половину смены на автомате.

— Ты тут раньше не бегал вроде.

— Бегал. Вы смотрели на короб, не на лицо, — соврал я гладко, тем же тоном, каким когда-то улаживал десятки подобных мелких трений на входе в собственные же бизнес-центры, только тогда охранники узнавали меня в лицо с полувзгляда. Я развернул к нему экран заказа. — Наберите девятый: «Гонконг, завтрак у турникета». Они спустятся сами, а у вас очередь сдвинется.

Он хмыкнул, снял трубку внутреннего телефона, коротко переговорил с кем-то, и через полторы минуты из лифта выскочила девушка в деловом костюме, растрёпанная, с наушником в ухе, и почти вырвала у меня из рук пакет.

— Наш! В эфир входим через минуту, — выдохнула она, подхватывая пакет и разворачиваясь обратно к лифту.

— Восемь порций, кофе отдельно. Сверьте здесь — у турникета стоят чужие заказы. — Я выставил ладонь между дверями, но они уже сошлись.

Она махнула рукой, не оборачиваясь, уже нажимая кнопку лифта, и я отметил у себя внутри короткое, почти незаметное тепло — не от системы, а от простого узнавания того же азарта, что двигал мной все двадцать лет: решить проблему клиента быстрее, чем клиент успел испугаться, что проблема есть. Приложение на телефоне пискнуло, отмечая доставку выполненной, время — двенадцать минут вместо пятнадцати.

— В следующий раз сразу называй этаж, эфир и количество, — охранник положил трубку на базу и закрыл журнал пропусков. — «Срочно» здесь говорит каждый второй. Восемь завтраков для Гонконга я могу проверить одним звонком.

Девушка пожертвовала проверкой, чтобы успеть к эфиру. Она прижала к груди закрытый пакет и уже в лифте крикнула кому-то приготовить стол. Мой быстрый проход через охрану купил ей минуту, но оставил проверку на её стороне закрывающихся дверей.

У турникета я остановился перед планом разгрузки: три ступени у главного входа, справа — рампа к грузовому лифту, закрытая только заявкой арендатора. Я сфотографировал схему без служебных телефонов, привязал к адресу и сразу попросил консьержа назвать должность человека, который оформляет заявку. Следующий тяжёлый заказ должен был встретить не мою память, а готовый маршрут и конкретный звонок.

Я уже ставил ногу на педаль, когда янтарная линия снова легла вдоль правой подошвы. На этот раз она поднялась по шнурку, коснулась лодыжки тёплым кольцом, и внутри возникло ясное знание. Оно пришло целиком, как маршрут, который успел изучить до выезда.

Система засчитала первую доставку и выдала план, который моё новое тело могло и не выдержать: восемь заказов, восемнадцать километров, три короткие серии восстановления и одна помощь за пределами оплаченной доставки. Ко сну нужно было добраться до закрытой двери с водой, едой и непотраченным заработком. Это был не прогноз, а предел, который мне ещё предстояло проверить на себе.

Серия восстановления тоже обозначилась конкретно: четыре отжимания от стены, шесть медленных подъёмов со стула с опорой, десять подъёмов на носки и шесть спокойных дыхательных циклов. Между сериями — минимум два часа. Никаких геройских рывков; телу требовалась повторяемость.

Я опёр велосипед о стену, проверил пульс и проследил, как янтарная линия медленно обводит дешёвую тумбу. Она не дарила вещь и не подталкивала к ней — только связывала будущую покупку с выполненной работой. Любопытство вытеснило первую тревогу. — А ты осторожная. Видела, как я покорял шестнадцать ступеней, и решила начать с мебели.

Следом обозначилась награда с понятной ценой. После смены я мог купить за заработанные деньги две самые обыкновенные вещи: рабочие кроссовки с подходящей этому телу колодкой и мягкую накладку на лямку термобокса. Кроссовки стоили тысячу восемьсот девяносто, накладка — шестьсот сорок; система дала адрес обычных магазинов и точные модели. Городской велосипед оставался за отдельным длинным рубежом, который одним удачным завтраком не закрыть.

Я уселся на седло, но ещё раз оглянулся на тумбу. Система не отменяла ни цену, ни труд, ни право продавца отказать; она лишь показывала возможность, которую я мог заслужить или упустить. Такой договор с чудом мне подходил. — Сначала заработать, потом заплатить, потом самому донести. Самая честная магия из всех, что встречал; даже возврат налога оформляют загадочнее.

Я оттолкнулся, и в памяти всплыла пройденная дистанция: четыре километра семьсот метров с момента выхода. Никакой шкалы перед глазами; просто точность, которой прежде

требовался хороший навигатор. Восемнадцать километров выглядели выполнимыми, пока они оставались цифрой. Бёдра ныли так, что ближайшая лавка казалась разумнее всего остального маршрута.

У стеклянной стены бизнес-центра нашлось свободное место. Я поставил ладони на холодное стекло, отступил на шаг и сделал первое отжимание. На втором задрожали плечи. На третьем ладони заскользили по стеклу. На четвёртом локти едва разогнулись.

Рядом остановился охранник, тот самый, который минуту назад пропустил завтрак наверх.

— Зарядку решил сделать?

— Здание качалось. Прижал обратно.

Он посмотрел на стеклянную башню, потом на мои дрожащие руки.

— Крепче держи, а то у нас арендаторы нервные.

Я уселся на низкий бетонный бортик. Шесть раз поднялся, каждый раз помогая себе ладонью о колено. На пятом в бедре запекло, на шестом я сел тяжелее, чем собирался. Затем поднялся на носки десять раз и сделал шесть длинных выдохов, пока сердце возвращалось к рабочему ритму.

Когда я закончил шестой выдох, вдоль икр пробежало тепло и погасло. Система засчитала все четыре кривых отжимания, шесть медленных подъёмов и десять подъёмов на носки.

— Свидетель есть, — я кивнул охраннику. — Если башня устоит, заслуга общая.

— Езжай уже, Атлант.

Я поехал. Плечи гудели, зато в голове стало светлее. Янтарная линия не перенесла меня через город и не облегчила короб: она дождалась, пока я сам доведу реальный груз по реальному пути. Значит, чудо можно было проверять тем же способом, что и хорошую логистику: повторить действие, измерить цену и посмотреть, сохранится ли результат.

Второй заказ дождался меня уже собранным на стойке дарк-стора — я вернулся коротким путём через дворы, срезая там, где обычный человек пошёл бы в обход вдоль дороги, потому что помнил этот квартал по картам логистики компании, которые сам же утверждал годы назад. Пакет был лёгким, но громоздким — коробка с игрушками, судя по погремушке внутри, звеневшей на каждой кочке, — и адрес вёл в старый шестиэтажный дом без лифта, на самый верх.

Я поднимался, считая пролёты вслух про себя, чувствуя, как с каждым лестничным маршем сердце начинает колотиться быстрее, а дыхание превращается в короткие свистящие глотки воздуха. На четвёртом этаже я остановился, упёрся свободной рукой в перила, и по вискам потёк пот, хотя на улице стоял морозный воздух, а в подъезде было немногим теплее.

«Ещё два пролёта». Я считал их тем же тоном, каким прежде считал оставшиеся часы до закрытия квартальной отчётности. «Просто ещё два, блядь, пролёта».

Мысль вышла короткой и рваной, без прежней многослойности, и это разозлило меня больше самой одышки — я всегда гордился способностью держать в голове одновременно десяток параллельных линий рассуждения, а сейчас всё моё сознание сузилось до одной простой арифметики шагов. Я упёрся ладонью в холодную стену, досчитал до десяти, и толкнул себя вверх по оставшимся ступеням.

Дверь на шестом этаже открыла женщина в халате, с младенцем на руках, который увлечённо сосал кулак и таранился на меня мутными младенческими глазами.

— Наконец-то, — женщина прижала коробку к груди и на секунду закрыла глаза. Из комнаты донёсся детский плач; она вздрогнула, сорвала край упаковки ногтем и показала малышу яркую ручку погремушки. Плач сбился. — Неделю ждали. Старая сломалась, а без неё он вообще не спит.

— Проверьте комплект сразу, — выдохнул я, ещё не до конца отдышавшись, — чтобы не подниматься мне сюда во второй раз, если что-то не так.

Она разорвала упаковку прямо на пороге, тряхнула розовую погремушку перед лицом младенца, и тот радостно взвизгнул, вцепившись в игрушку обеими ручками.

— Всё отлично, спасибо большое. — Женщина подняла на меня взгляд внимательнее. — Вы себя нормально чувствуете? Бледный какой-то.

— Шестой этаж без лифта на голодный желудок. Пройдёт.

— У нас чайник как раз вскипел, хотите воды? — Она кивнула куда-то в сторону кухни, явно готовая выпустить меня внутрь.

Я отступил к лестнице, чувствуя, как ноги просят принять чай и стул, но за спиной оставались ещё шесть адресов. — Спасибо, вода у меня в сумке. Погремушку берегите: если придётся нести вторую, ваша лестница выставит мне счёт уже с процентами.

Она рассмеялась коротким, лёгким смехом и захлопнула дверь, а я на секунду прислонился к перилам, прежде чем начать спуск, вслушиваясь в собственное сердце, которое медленно, неохотно возвращалось к нормальному ритму. Второй адрес завершён в срок, впереди ещё шесть. Чудо сообщало только то, что уже подтвердили дверь, погремушка и таймер.

«Спасибо, что заметила, — подумал я, начиная спуск, держась за перила уже осторожнее, чем поднимался. — Я бы и без тебя это заметил, но приятно, что мы сходимся во мнениях».

Третий заказ на стойке дарк-стора Оксана протянула мне лично, придерживая пакет двумя руками, что для сборочной линии считалось редкостью. На экране рядом с номером мигали два входящих вызова; время сборки показывало, что суши провели на стойке всего пять минут.

— Этот держи ровно. Суши. Клиент за пять минут дважды спросил время и уже считает задержку.

— Значит, к двери приедем втроём: я, суши и его секундомер, — я уложил пакет в термо-бокс отдельно, подальше от боковой стенки, куда бил уличный холод при открывании молнии.

Адрес привёл меня в жилой комплекс бизнес-класса в пятнадцати минутах ходьбы, с закрытым двором и шлагбаумом, возле которого меня остановил охранник в будке.

— К кому?

— Квартира сорок один, доставка, — сказал я, доставая телефон с открытым заказом.

Он придирчиво сверил номер квартиры со списком на планшете, хотя список этот явно существовал для порядка, а не для реальной проверки, и махнул рукой, пропуская меня во двор. Дом оказался новым, с консьержем в холле, который тоже проверил у меня телефон с заказом, прежде чем указать на лифт.

Дверь сорок первой квартиры открыл мужчина лет тридцати пяти в домашнем костюме, с телефоном, прижатым к уху плечом, и раздражённым лицом человека, которого оторвали от важного разговора ради мелочи.

— Наконец-то, — мужчина не оторвал телефон от уха, выхватил пакет и сразу заглянул внутрь. Лицо у него дёрнулось; он прижал ладонью микрофон и ткнул пальцем в чужой комплект. — Подождите на линии. А вы никуда не уходите: у меня цифры не сходятся из-за отдела, а обед — из-за вас.

Он забрал пакет из моих рук резким движением, развернул угол упаковки, и тут же осёкся, замолчав на полуслове разговора.

— Это что? Я заказывал сет «Токио премиум», а тут... — он вытряхнул содержимое пакета на ладонь, — это вообще какие-то роллы с крабовыми палочками. Алло, перезвоню, — бросил он в трубку и наконец полностью повернулся ко мне, убрав телефон в карман халата. — Вы мне не тот заказ привезли.

Я взял у него пакет обратно, развернул бумажную обёртку и внимательно осмотрел бирку сбоку — на ней чётко значился номер заказа и адрес, полностью совпадающий с тем, что был у меня в приложении.

Пломба на бумаге оставалась целой; клиент разорвал только внешний край при мне. Номер доказывал маршрут, содержимое спорило с ним. Между кухней и моей сумкой было несколько рук и столов, и назначать виноватого по одной бирке значило бы обменять его пять минут на чужую первую попавшуюся вину.

— Номер и адрес ваши. Значит, маршрут пришёл верный, а внутри оказался чужой сет, — я показал ему бирку. — Где пакеты разошлись, выясню сейчас. Вам важнее вернуть деньги или получить премиум сегодня?

— Премиум сегодня. Деньги верните на ту же карту, — отрезал он, скрещивая руки на груди. — Я плачу за премиум-сет, а получаю роллы за половину цены. Вы вообще понимаете, сколько стоит мой час? Я из-за вашей ошибки потерял пять минут разговора с инвестором.

Я положил пакет на тумбу, сфотографировал неповреждённую пломбу рядом с номером заказа и отправил снимок диспетчеру до звонка: — Пять минут спора вам дороже. Сейчас по журналу найдём, на каком столе разошлись комплекты. Если премиум рядом — курьеры встретятся посередине и обменяют за десять минут. Если ушёл далеко — возврат, компенсация и новый сет, а этот заказ останется закрытым доказательствами, не поиском крайнего.

Он моргнул, явно ожидая, что курьер начнёт оправдываться или извиняться, а не предлагать конкретный план действий с точным временем. Я уже набирал номер дарк-стора, прижимая телефон к уху плечом тем же жестом, каким минуту назад держал свой телефон он сам, и когда Оксана ответила, заговорил быстро и по делу:

— Курьев. Озёрная, квартира сорок один: вместо «Токио премиум» выдали крабовые. Сверьте соседние выдачи. Если правильный сет рядом, поменяю за десять минут.

На том конце Оксана чем-то зашуршала, послышался приглушённый разговор со сборщиком, потом снова её голос:

— Нашла. Премиум двадцать минут назад ушёл с Денисом на Никольскую, уже далеко. Оформляй возврат. Я ставлю сорок процентов баллами и бесплатный премиум в течение часа.

Никольская не входила в мой лист; двадцать минут в городе превращали обмен в новую задержку, а чужой открытый сет — в еду, которую уже нельзя везти другому клиенту.

— Правильный сет уже на Никольской, вернуть его безопасно нельзя, — я убрал телефон. — Вам возвращают всю сумму, начисляют сорок процентов баллами и везут новый премиум в течение часа. Этот сет остаётся у вас.

Мужчина посмотрел на пакет с роллами на тумбе, потом на меня, и что-то в его лице чуть смягчилось — не до дружелюбия, но до простого человеческого раздражения вместо холодной претензии.

— Час, — уточнил он. — Не больше?

— Час. Опоздают — звоните по этому заказу и называйте Курьева. А эти оставьте: инвестор не узнает цену завтрака, если вы не будете жевать в микрофон.

Он фыркнул — не засмеялся, но издал звук, близкий к смеху, — и захлопнул дверь чуть тише, чем начинал разговор. Я поймал себя на короткой, почти забытой волне удовлетворения — той же самой, что накрыла меня час назад после разговора с Палычем, — только на этот раз она пришла не от победы над угрозой, а от простого умения разрулить чужое раздражение точным словом раньше, чем оно превратится в жалобу на приложение и снятую с меня премию. Приложение пискнуло: доставка выполнена, статус — с комментарием клиента, комментарий отсутствует.

Я нажал кнопку лифта и, ожидая, провёл ладонью по внутренней стенке термобокса, проверяя, не протёк ли соус. Пальцы зацепили узкую белую наклейку. Клей был ещё влажным, с полоской соуса; значит, метка осталась от сегодняшней сборки, а не от немой сумки. На ней читались половина номера и чужая фамилия. Я сфотографировал находку рядом с биркой Антона и развернулся от лифта: два номера теперь можно было связать до того, как видео со стойки сотрут.

Глава 4

Двери лифта разошлись. Я уже поднял наклейку рядом с биркой Антона: чужая фамилия и другое время сборки давали поддержке доказательство, которое могло исчезнуть вместе с упаковкой. Я удержал двери ладонью и снова повернулся к квартире сорок один. Звонок звучал долго. Мужчина открыл с тем же телефоном у плеча, однако разговор уже поставил на паузу; в другой руке он держал коробку крабовых роллов.

— Ещё что-то перепутали? — он поставил коробку на тумбу и вытер пальцы салфеткой.

— Нашёл улику для поддержки. Дайте снять бирку и коробку — двадцать секунд. Тогда дешёвый сет останется чужой ошибкой, а не вашей фантазией, и компенсацию не придётся выбивать заново.

Он посмотрел на часы, затем распахнул дверь шире. В прихожей стояли две одинаковые пары мужских ботинок, а на стене висела детская куртка с ушами на капюшоне. В квартире кто-то негромко кашлянул. Раздражение из-за потерянного часа делили с ним люди, которых я не заметил за первым разговором.

— Быстро, — мужчина развернул пакет на свету и придержал край. — Я Антон, кстати. Раз уж мы расследуем роллы.

— Лев. Держите бирку ровнее.

Я снял общий кадр, номер крупным планом, затем внутреннюю коробку с названием дешёвого сета. Антон сам перевернул упаковку и нашёл вторую маленькую этикетку под складкой бумаги. На ней стояло время сборки на две минуты раньше его заказа и чужой инициал. Он перестал торопить меня и увеличил снимок пальцами.

— То есть пакет перепутали ещё до вашего приезда.

— Похоже, два заказа собирали бок о бок. Точный ответ дадут журналы сборки и выдачи. Упаковку сохраните до подтверждения возврата.

Из комнаты выбежал мальчик лет шести в пижаме с ракетами. Он остановился у коробки, втянул носом запах и потянулся к роллу. Антон перехватил его руку салфеткой.

— Егор, сначала руки. И маме позови, пусть скажет, можно ли тебе крабовые.

Мальчик умчался в глубину квартиры. Антон посмотрел ему вслед, затем на восемь дешёвых роллов, которые минуту назад собирался выбросить.

— Ладно, пропадать им глупо. Съедем, если состав нормальный. Правильный сет потом оставлю на вечер.

— Вот и ужин нашёлся. Осталось убедить поддержку, что роллы умеют менять фамилию.

Он коротко усмехнулся и закрыл дверь, удерживая пакет двумя руками, чтобы сын снова не вытащил ролл на ходу. Еда ушла семье вместо мусора, а номера двух заказов остались у Оксаны. На экране уже мигал следующий заказ: три потерянные минуты съели его запас и оставили мне семь минут до опоздания.

Я вошёл в лифт и отправил Оксане снимки с двумя номерами. Между этажами связь оборвалась, и серый кружок застыл. Я прижал телефон к щели дверей: снимки ушли только на третьем этаже, оставив мне на разговор с Оксаной меньше минуты до выхода из дома.

Как только снимки дошли, Оксана позвонила. За её голосом пищал сканер и кто-то требовал свободную корзину. Она дважды прервалась, чтобы освободить стойку, и говорила короче обычного.

— Курьев, ты зачем клиента второй раз потревожил? У нас возврат уже оформлен.

— В сумке нашлась чужая наклейка. Сверьте время с биркой Антона. Если совпадёт, пакеты перепутали на стойке до моей выдачи.

Я вышел из лифта. Консьерж поднял голову, следя, как я ставлю пустой термобокс на подоконник и отдираю старую наклейку целиком, сохраняя рваный край. Под курткой выступил пот: в холле было жарко, одежда после улицы стала тяжёлой.

— Вижу снимки, — Оксана перелистнула их, касаясь гарнитуры запястьем. — Два пакета вышли с соседних столов, сборщики разные. Как наклейка в твоей сумке оказалась?

— Старую бирку прижало к стенке сумки свежим пакетом. Проверьте камеру стойки. Клиент дешёвый сет оставил себе; отметку с курьера снимите.

— Сама решу, кого закрыть, — она передвинула что-то тяжёлое, и в трубке стукнул пластик. — У тебя уже три лишние минуты. Опоздаешь ещё на две — приложение снимет доплату за срочность.

— Эти три минуты отобьются на следующей жалобе. У двух столов бирки различаются последней цифрой; разведите их хотя бы пустым ящиком до конца смены.

Оксана молчала несколько секунд. Через стеклянную дверь я видел велосипед у стойки и своё отражение рядом с консьержем: мокрые волосы, жёлтая куртка, плечо ниже другого. Я привык ждать немедленного исполнения разумного распоряжения, но теперь должен был помнить: человек на другом конце одновременно выдаёт десяток заказов и отвечает за чужой хаос своими руками.

— Если рук не хватает, вернусь и переставлю, — добавил я, поднимая термобокс. — Всё равно кручу этот участок.

— Езжай за четвёртым. Я уже развела столы пустыми ящиками. Соня нашла вторую пару: премиум действительно ушёл на Никольскую. С курьеров снимаю отметки, сборку разберём после часа пик.

Оксана распределила ответственность между теми, кто действительно держал заказ в руках. Сборщики оставались людьми, способными ошибиться рядом; курьеры — людьми, которые везли полученный пакет; клиент — человеком, которому требовалась еда прежде

победы в споре. Процесс получил исправление вместо назначенной жертвы. Такую Оксану прежняя компания должна была бы замечать раньше отчёта о жалобах.

— Запись выдачи сохраните, — я придержал дверь холла спиной и вывел велосипед наружу. — По ней будет видно, где короб коснулся стенки.

— Сама просмотрю после часа пик. А ты вернёшь чистую сумку и выпьешь воды, у тебя голос опять сел.

Она отключилась, напоследок отдав распоряжение сама. Я сделал два глотка у велосипеда. Уровень опустился почти до первой царапины. В боковом кармане лежала оторванная наклейка — маленький документ против большой привычки винить последнего, кто держал пакет.

Я окликнул консьержа прежде, чем он успел прикурить у стеклянной двери, и показал сохранённую фотографию рамп: теперь при следующем тяжёлом заказе мы оба знали, какой звонок наверх избавит стойку от спора.

— Обычно ваши после жалобы бегут, — он провёл ладонью по седой щетине и выпустил дым в сторону урны. — А ты обратно позвонил.

— Я тоже спешил. Только обратно к двери.

— Мужик наверху тяжёлый. У нас два месяца живёт, каждый день с кем-нибудь воюет.

— Сегодня воевал с пустым желудком. К вечеру, возможно, подпишет мирное соглашение с крабовыми палочками.

Консьерж рассмеялся, придержал калитку и кивнул на служебную дверь в боковой стене.

— Со следующим заказом звони мне. Через двор быстрее, и я пропущу без второй проверки.

Проход, на который при входе ушло две проверки, в следующий раз мог сэкономить мне и время, и силы.

На улице холод сразу стянул мокрую футболку между лопатками. Я сел на велосипед осторожнее, чем после первого адреса: бёдра налились тяжестью, и первый оборот педали пришлось продавить через боль. Следующий заказ ждал в кафе, и к сроку добавилось ещё одно обязательство — вернуть после смены чистую сумку человеку, который утром оставил мне шанс.

«Не пожаловался, — отметил я, выезжая со двора. — Для человека, который начинал разговор с угрозы сравнить стоимость моего часа со своим, это почти благодарность».

За четвёртым заказом приложение отправило меня в маленькое кафе на углу трамвайной улицы. Велосипед пришлось вести рядом: между рельсами лежала рыхлая снежная каша, переднее колесо дважды увело в сторону. Над дверью кафе звенел медный колокольчик, изнутри пахло дрожжевым тестом и куриным бульоном. Пустой желудок ответил так выразительно, что я на секунду прислонился бедром к прилавку.

— Курьев, заказ двести сорок восемь, — я показал экран женщине в белом колпаке.

Она была невысокой, круглой и двигалась за стойкой со скоростью человека, который один заменяет повара, упаковщика и начальника смены.

— Держи, красавец, — она выставила два бумажных пакета и уже потянулась к следующему чеку. — Суп отдельно, пирог отдельно. На всё про всё пять минут, клиентка злая.

Я поднял пакет с супом. На дне появилось тёмное влажное кольцо.

— Этот пакет до клиента доедет в виде воспоминания о курице.

— Крышка закрыта, — женщина ткнула пальцем в пластиковый контейнер. — Все берут и едут.

— Крышка закрыта, а пакет уже мокрый. Смотрите.

Я поставил контейнер на сухую салфетку и слегка наклонил. Из-под крышки сразу выдалась янтарная капля. Она побежала по стенке и впиталась в бумагу.

— Пар выгнул крышку, — я вернул контейнер на стол. — На второй кочке суп прольётся на пирог. Дайте вторую крышку, картонное кольцо и широкий пакет.

— Молодой человек, у меня очередь, — она уже разворачивалась к кухне, но увидела мокрую салфетку и остановилась. — Кольца закончились.

— Тогда две полосы коробочного картона крестом, края под крышку, сверху резинка. Полминуты против возврата и стирки.

— Командир нашёлся, — женщина вытащила из-под кассы пустую коробку и нож. — Сам режь, раз умный. Меня Верой зовут, чтобы жалобу адресно писал.

— Лев. Чтобы благодарность тоже не потерялась.

Я провёл ножом по картону, но дрожь увела лезвие к пальцам. Вера перехватила моё запястье, отобрала нож и за полминуты вырезала две полосы. На экране таймер сменил семь минут на шесть.

— Давай сюда, хирург. Ты мне сейчас вместе с супом палец упакуешь.

Она работала ловко. Через полминуты горячий контейнер сидел в картонной распорке, крышку удерживали две резинки. Я положил его в нижнюю часть термобокса, пирог поднял выше и отделил сложенной перегородкой.

— Вот теперь довезу, — я защёлкнул сумку.

— Если клиентка похвалит, скажешь, Вера всё придумала.

— Если прольётся, скажу то же самое.

Она рассмеялась и бросила мне маленькую булочку в бумажном кармашке.

— Бери. Вижу, как ты на витрину смотришь. Вчерашняя, зато с творогом.

— Я заплачу.

— Заплатишь, когда отъешься и начнёшь привередничать. Сейчас исчезни, у тебя семь минут.

Булочку я сунул в боковой карман и вывел велосипед на улицу. Адрес находился в соседнем квартале, но навигатор вёл к фасаду бывшей фабрики, где все ворота были закрыты. На табличке значилось: «Корпус три, вход со двора». Двор находился за длинной кирпичной стеной. Я проехал до первой арки — тупик с мусорными контейнерами; до второй — шлагбаум и будка без охранника. У третьей увидел на снегу свежий след тележки и нырнул туда.

Внутри фабричного двора пряталась швейная мастерская. За стеклом мелькали рулоны ткани, машинки стрекотали так громко, что звонка никто не услышал. Я постучал костяшками. Женщина с сантиметровой лентой на шее показала через стекло на соседнюю дверь. Та оказалась закрыта изнутри.

Телефон клиентки ответил стрекотом машинки и энергичным голосом:

— Курьер, вы где заблудились? Я у пресса, выйти смогу через три минуты.

— Я у стекла, вижу вас. Слева от вас девушка в зелёном свитере.

Женщина обернулась, нашла меня взглядом и подняла указательный палец: одну минуту. Затем зажала ткань прижимной лапкой, пересекла цех и открыла боковую створку.

— Фира Семёновна, — она отступила, освобождая проход, и сразу потянулась к пакету. — Суп не пролился?

— Горячий и внутри контейнера. Сегодня это отдельная услуга.

Я поставил пакеты на раскройный стол. Вера упаковала всё честно: дно оставалось сухим, пирог держал форму. Фира Семёновна сняла крышку, вдохнула пар и прикрыла глаза.

— Господи, люди едят. А мы с восьми утра подшиваем сорок два костюма для хора. Девочки, обед!

Машинки одна за другой стихли. Из-за столов поднялись шесть женщин. Самая молодая, в зелёном свитере, принесла чашки и украдкой отломила угол пирога.

— Лиза, — Фира Семёновна перехватила её запястье, — гостю сначала.

Она отрезала мне узкий кусок и протянула на салфетке.

— Обед курьеру в заказ не входит, — я отступил, но запах тёплой капусты ударил в пустой желудок.

— Тогда это производственная премия за живой суп. Бери, пока я добрая.

Я откусил маленький кусок и заставил себя прожевать, хотя пустой желудок требовал всего куска сразу. Тёплое тесто приглушило спазм, и я смог разогнуться у стола. Остаток я завернул в салфетку и оставил на дорогу: если съем сейчас, через час снова поеду на пустом желудке.

— Спасибо. Только приложению про премию не рассказывайте, оно ревнивое.

— Я приложению поставлю пять звёзд, если ты следующий раз найдёшь нас с первой арки.

— Для этого повесьте вывеску на нужных воротах.

— Хозяин здания запрещает.

— Тогда сфотографируйте след тележки. Самый честный указатель в вашем дворе.

Фира Семёновна хмыкнула, забрала телефон и действительно вышла со мной к арке. Пока она снимала маршрут, я съел ещё один кусок пирога. Приложение отметило четвёртую доставку с минутой превышения и сразу убрало сто двадцать рублей доплаты. Горячий суп остался в контейнере, мастерская получила обед, а я — еду и плату за потраченное время.

Фира Семёновна отправила фотографию в чат мастерской, затем открыла карточку адреса. Метка стояла на фасаде бывшей фабрики, в двухстах метрах от реальной двери. Поле комментария занимала фраза «корпус три, вход со двора», одинаково бесполезная у каждой из трёх арок.

— Добавьте: «третья арка от трамвайных путей, след тележки, стеклянная дверь справа», — я держал телефон снизу, пока она набирала. — Первым поставьте номер мастерской. Сейчас курьер звонит вам у пресса и злится прямо под вашим окном.

— Номер мастерской берёт Лиза, а она после обеда уходит на учёбу, — Фира Семёновна увеличила карту двумя пальцами и попала ногтем мимо метки. — Потом трубку некому брать.

— Тогда часы прямо в комментарий: до двух — мастерская, после — вы. Курьеру нужна последовательность, а не ветвящаяся цепочка телефонов.

Она закончила строку и повернула экран ко мне. Вместо трёх неопределённых ворот теперь были трамвайные пути, номер арки, стекло и два телефона по времени. Следующий человек всё ещё мог свернуть не туда, зато ошибка уже имела точку возврата.

За кирпичной стеной просигналил фургон. Белая машина стояла у первой арки, водитель тянул из кузова длинный рулон ткани и одновременно прижимал телефон к уху плечом. Второй рулон упирался ему в спину. Из динамика телефона Фиры донёсся его же голос:

— Я у корпуса три. Тут баки и кирпичная дверь. Куда разгружать?

Фира Семёновна на секунду закрыла глаза, затем открыла их и посмотрела на только что исправленный комментарий.

— Видишь, милоч, твой следующий человек уже приехал раньше, чем мы успели его спасти.

Я взял её телефон и вышел к краю третьей арки, откуда была видна белая кабина. Поднял руку над головой и махнул жёлтым рукавом.

— Оставьте рулон в машине, закройте кузов и проедьте вдоль стены до моей куртки. Разворачиваться будете во дворе, там место есть.

Водитель перестал вытягивать груз, затолкнул ткань обратно и захлопнул створку. Через минуту фургон въехал в нужную арку. Рулоны приехали сухими; водитель вышел, уже готовый ругаться, но увидел открытую стеклянную дверь и проглотил первую фразу.

— У вас адрес как головоломка, — он стянул один рулон на плечо, согнувшись под тяжестью. — Я тут двадцать минут круги нарезаю.

— Был как головоломка, — Фира Семёновна потрясла телефоном. — Курьер починил.

— Теперь починили вдвоём: я нашёл арку, Фира Семёновна записала, — я подхватил свободный конец рулона, чтобы ткань не волочилась по мокрому асфальту. Вес сразу пришёл в больное плечо; пришлось поменять руку и идти боком. — Держите край выше, луже ткань не достанется.

Мы донесли рулон до стеклянной двери втроём. Лиза придержала створку бедром, не выпуская чашку с супом, а водитель поставил груз на деревянные козлы. Материальное следствие одной фотографии заняло всю ширину коридора: сухая ткань вместо мокрого края, водитель внутри вместо мусорных баков, обед мастерской всё ещё тёплый.

— Стой, — Лиза поставила чашку на подоконник и поймала мою нижнюю лямку. — У тебя шов расходится.

На ремне возле пряжки торчали три серые нитки. Под весом пакетов ткань растянулась, один стежок уже лопнул. Я подхватил дно термобокса ладонью: если лопнут ещё два стежка, четыре оставшихся заказа придётся везти одной рукой на дне сумки. Последний заказ мог оказаться тяжелее супа.

— Держу руками, потом отдам в ремонт.

— У нас ремонт вокруг тебя, — она потянула меня к ближайшему столу, где рядом с катушками лежала полоска серебристой светоотражающей ткани. — Снимай сумку. Две минуты.

Я поставил термобокс на край раскройного стола. Лиза заправила ремень под лапку свободной машинки, сложила край вдвое и прошила крест-накрест. Машина ударила иглой часто, уверенно; я успел только вытереть с ладони муку от пирога. Затем она наложила поверх шва серебристую полоску и прострочила её по краям.

— Теперь вечером видно будет, — Лиза дёрнула ремень обеими руками. — Этот шов переживёт саму сумку.

— Сколько должен?

Она кивнула на рулон, который мы только что внесли.

— Конец не намок. В расчёте.

Для Лизы этот обмен спас срочный заказ и не пустил грязную ткань обратно под иглу; для меня — сохранил сумку, снял ремень с больной ключицы и дал свет на вечернюю дорогу. Мастерская получила клиента, который уже знал цену её работе, а я — дверь, куда можно было вернуться с новой поломкой без просьбы о милости.

Я надел сумку. Усиленный ремень лёг плотнее и перестал резать край ключицы. Серебряная полоска у бедра вспыхнула под лампой обычным белым светом. Повторный доступ к мастерской стал легче: правильный вход сохранился в карточке, ремень выдерживал дальнейший груз, люди запомнили имя курьера через сделанное вместе дело.

Система оставила награду в обычной форме. Исправленный адрес, целая лямка, знакомая дверь и несколько минут чужого труда уже существовали в реальности и требовали от меня такого же качества в следующий раз.

Фира Семёновна вынесла из цеха узкую полоску ярко-синей ткани и завязала её на водосточной трубе у третьей арки.

— Хозяин вывеску запретил, — она затянула узел и отступила проверить, видно ли с дороги. — Про тряпку пока ничего не писал.

— Добавьте в комментарий синюю ленту. Когда хозяин запретит ленту, найдём ещё один легальный цвет.

— Ты опасный человек, Лев. На любое правило у тебя готова материя.

— Сегодня буквально.

Водитель фургона рассмеялся из кузова и поднял второй рулон. В ответ я придержал ему дверь, затем вывел велосипед на улицу. На карте сохранилась моя первая исправленная точка клиента; на сумке появился новый шов; в животе перестал царапаться голод. Один заказ

закончился не только переданным супом, но и дорогой, которая в следующий раз станет короче для любого курьера, включая того, кого я никогда не увижу.

Пятый заказ пришёл из цветочного павильона возле районного загса. Среди вёдер с розами девушка в кожаном фартуке собирала белый букет, выдёргивая стебли из воды по одному. Жених в синем костюме держал телефон обеими руками и каждые несколько секунд проверял дверь; на манжете темнело мокрое пятно, которое он безуспешно тёр большим пальцем.

— Курьер! — девушка вскинула букет над головой, освобождая проход. — Спасай. Это в малый зал через служебный вход. Большой вход закрыли на съёмку, а церемония через двадцать минут.

Глава 5

— Я жених, — мужчина шагнул ко мне, замахал обеими руками и прищёпнул ладонью по борту ведра. Вода плеснула на его лакированный ботинок. — То есть второй жених. Первый уже там. Я свидетель. Жених забыл букет, а меня отправили.

— Значит, букет пока у меня. Имя получателя?

— Артём. Невеста Полина. Только ей букет в руки, матери жениха не отдавать. Она решила, что кремовые розы траурные, и требует красные.

Флористка обернула белые стебли влажной салфеткой, затянула плёнкой.

— Крышка с букетом не закроется, — она оценила мой термобокс. — На велосипеде розы обобьёт ветром.

— Велосипед поведу рядом, букет поедет в сумке вертикально. Дайте пустое ведро без воды и два мягких валика.

— Ведро вернёшь?

— Верну, если его у меня в загсе не отберут.

Она нашла узкое пластиковое ведро. Я поставил его на дно термобокса и зажал рулонами упаковочной бумаги. Букет вставил в ведро; открытые створки крышки прикрыли стебли с боков, а цветы остались над ними. Валики не давали стеблям биться о края.

Свидетель обошёл конструкцию, проверил пальцем стяжку и присвистнул: — Первый раз вижу, чтобы свадебные розы ехали как стекло в грузовике. Белый бронепоезд, только не стреляет.

— У невесты останутся розы, у меня — спина. Все в выигрыше. Показывайте служебный вход.

— Я с вами.

— В лакированных ботинках по снежной каше?

— Мне обещали голову оторвать.

— Тогда бегите сзади и берегите голову. Она вам на фотографиях пригодится.

От павильона к служебному входу вела расчищенная дорожка вдоль ограды. Я повёл по ней велосипед; свидетель заторопился рядом, придерживая полы пальто. У главных ворот стояла женщина в меховой накидке и уже издали махала нам обеими руками.

— Артём! Красные нужны! Полина бледная, белые её съедят!

Свидетель мгновенно шагнул мне за спину, выставив между собой и женщиной термобокс.

— Это мать жениха, — он перешёл на шёпот. — Не отдавайте.

Женщина перехватила руль.

— Молодой человек, разворачивайтесь в павильон. Я доплачу.

— Получатель указал служебный вход и белые розы. Букет едет туда.

— Я мать жениха!

— Поздравляю. Но цвет выбрала невеста, и менять его может только она.

Её пальцы сжались на руле. Я удержал велосипед, но после дороги плечи и кисти уже дрожали. Свидетель осторожно выглянул из-за моего плеча.

— Татьяна Игоревна, Полина сама белые выбрала.

— Полина сейчас всё выберет, что ей подсунут!

Из служебной двери высунулась девушка в брючном костюме и прикрикнула через двор:

— Курьев! Букет сюда, у нас семь минут!

— Семь минут, — я сразу повернул руль, высвобождая его из её пальцев. — Полина сама решит. Сейчас букет нужен ей.

Свидетель закашлялся, пряча смех. Мать жениха разжала пальцы и отступила от велосипеда.

— Я запомнила вашу фамилию.

— Запомните ещё и белые розы. Их выбрала Полина.

У служебной двери нас встретил настоящий жених — высокий парень с растрёпанными волосами и бабочкой, съехавшей к уху. Он выхватил букет вместе с ведром, увидел конструкцию и замер.

— Ведро тоже Полине?

Я передал ему ведро отдельно и придержал дверь велосипедом: — Ведро вернёте павильону, розы отнесёте жене. Татьяну Игоревну пока не подпускайте к белому цвету — пусть сначала увидит записку и решит сама.

— Вы уже познакомились, — он застонал и потянул свидетеля внутрь. — Артём, я тебя за одним букетом послал!

— Я привёл специалиста!

Дверь захлопнулась, затем снова приоткрылась. Жених сунул мне в ладонь сложенную купюру.

— За бронепоезд. И за то, что маму задержали снаружи. Хоть пять минут мы побудем в тишине.

— Купюра ваша.

— Уже ваша. Мне пора жениться.

Он исчез. В ладони осталось двести рублей — первые деньги, которые я заработал сам, а не нашёл в ящике и не получил вместе с квартирой. Бумага была тёплой после чужой руки.

Я на ходу сложил купюру и сунул в нагрудный карман. Плечо саднило от термобокса, график отставал на четыре минуты, а из главных ворот меня уже высматривала Татьяна Игоревна.

— Курьер! — она подняла телефон. — Идите сюда, я вам объясню про оттенки!

— После медового месяца! — я вскочил на велосипед и поехал к арке.

Свидетельство о пятой доставке приложение приняло на ходу. За спиной распахнулась дверь загса, кто-то закричал «Горько!» раньше времени, и весь двор рассмеялся.

От загса маршрут повёл меня через бизнес-центр к ещё трём адресам, а затем обратно к дарк-стору. Когда я вернулся, от первой короткой разминки у бизнес-центра прошло два часа семь минут. У стойки выдачи толпились трое курьеров. Пока очередь не двигалась, я поставил велосипед у стеклянной стены, снял термобокс и упёрся ладонями в холодное стекло.

Локти на первом отжимании хрустнули, на втором задрожали плечи. Четвёртое я закончил медленно, держа спину ровно, чтобы не перегрузить непривычные к нагрузке локти. Затем подтащил к стене пустой пластиковый ящик и шесть раз присел до лёгкого касания. На шестом подъёме перед глазами поплыло, и я замер, держась за край ящика.

— Курьев, ты чего мою тару осваиваешь? Решил после смены открыть фитнес-клуб «У холодной стены»? — Оксана вышла из-за двери, сунула мне бутылку воды и уже свободной рукой развернула планшет к списку незакрытых заказов.

Я начал подниматься на носки. На третьем повторе икры свело.

— Абонемент дешёвый. Вид из окна на мусорные баки входит в цену.

— Тогда музыку включить? У нас погрузчик пищит в тональности до-диез.

Она отсчитывала мои подъёмы кончиком ручки по планшету. На десятом я опустил пятки и принял у неё воду.

— Спасибо. Осталось шесть спокойных вдохов, и можно снова изображать работника.

— Ты сегодня и так изображаешь убедительно. — Оксана присела на соседний ящик. — Только цветом лица слегка не прошёл кастинг. Энергетик дать?

— Воду и что-нибудь съедобное. После энергетика сердце выставит счёт к ночи, а я его кредитный договор не подписывал.

Я выдохнул медленно, считая до шести, и повторил цикл. Воздух перестал рваться короткими глотками. Сердце ещё било в рёбра часто, зато каждый следующий вдох становился глубже. После шестого я открыл глаза.

Оксана протянула мне половину булочки в прозрачном пакете.

— Это списание, а не благотворительность. Смена маркировки через двадцать минут, потом всё равно выбрасывать.

— Списание принимаю. А за воду покажу, как убрать пробку у двери.

Она покосилась на толпу внутри. Один курьер прижимал сумку к витрине, второй протискивался мимо него с двумя пакетами, сборщица третий раз просила освободить проход.

— Опять директор проснулся?

— Курьер. Стойку к правой стене: заходим слева, уходим справа. Вам меньше толчеи, нам — очереди.

Оксана развернула на планшете схему выдачи, провела пальцем новый проход и позвала грузчика по имени. Стойку переставили к стене, разметив вход и выход коробками. Первый курьер взял пакет с края, следующий прошёл за ним, а встречные перестали сталкиваться у двери; Оксана сохранила схему для следующей смены.

— Работает, — Оксана откусила булочку. — За воду рассчитался.

Янтарное тепло отозвалось лишь когда я закончил разминку и вернул стойке свободный проход. Дыхание выровнялось, пальцы снова держали молнию термобокса без дрожи. Я допил воду, убрал бутылку в боковой карман и забрал следующий пакет.

Шестой заказ пришёл на квартиру первого этажа. В карточке получателя стояло: «Антонина Павловна». Комментарий под именем был набран крупными буквами: «ЗВОНИТЕ В ДВЕРЬ ДОЛГО, Я МЕДЛЕННО ХОЖУ».

Дом оказался старой хрущёвкой. Облупленная деревянная дверь подъезда поддалась простому толчку. Я нашёл нужную квартиру на первом этаже и позвонил. Через десять секунд повторил долгий звонок, как просили в комментарии. За дверью что-то глухо стукнуло, потом послышалось шарканье, растянутое на добрых полминуты, прежде чем щёлкнул замок.

Дверь открыла женщина лет восьмидесяти, невысокая, сухонькая, в вязаной кофте поверх ночной рубашки, держась одной рукой за косяк, а другой — за трость с потёртой резиновой насадкой. Седые волосы были собраны в неаккуратный узел, а глаза за толстыми стёклами очков шурились на меня с той настороженностью, с какой смотрят люди, давно привыкшие, что мир снаружи движется быстрее, чем успевают их собственные ноги.

— Заказ ваш, — я достал из термобокса пакет с продуктами — судя по весу и форме, крупы, консервы, пачка чая и, отдельно, коробка с лекарством в белой аптечной упаковке. — На порог поставить или сразу на кухню?

— На кухню, милоч, — она отступила на шаг, впуская меня в узкую прихожую, заставленную старой мебелью и стопками газет вдоль стены. — Колено сегодня крутит, а пакет вон какой.

Я боком протиснулся между газетными стопками и по её жесту повернул на кухню. В маленькой чистой комнате почти нечему было пылиться: одна чашка, сухарь на блюде и календарь с обведёнными датами. Сбоку от дат стояли пометки о приёме таблеток.

— Спасибо, что дождался, милоч, — она опустила на табурет у стола с тяжёлым коротким вздохом. — Раньше бегала как коза, а теперь от кровати до двери — целое путешествие.

Я открыл пакет и поднёс первую пачку к нижней дверце: — Крупы сюда? Покажите один раз порядок, дальше разложу сам и не заставляю вас вставать за каждой банкой.

— В нижний. Остальное оставь на столе, я потом по банке перенесу, за полчаса управлюсь, — сказала она, махнув рукой на мигающий экран у меня в ладони. — У вас время расписано.

На экране оставалось девять минут из пятнадцати. Я быстро разделил банки на три группы прямо в пакете: холодильник, нижний шкаф, стол. Если хозяйка только укажет место для первой вещи в каждой группе, остальные я разложу сам и сохраню ей силы, а себе — норматив.

Я уложил банки консервов в нижний шкаф.

— Пять минут возьму у двух следующих адресов, — сказал я, раскладывая крупы по полкам. — Вы сидите и руководите шкафом: колено сегодня уже отработало.

— Дай Бог тебе здоровья, — она проследила взглядом, как я убираю последнюю банку, и потянувшись было привстать, чтобы помочь, но я жестом остановил её раньше, чем колено успело среагировать. — А то у меня внук вот так же обещал зайти помочь, третью неделю жду, всё занят где-то.

— Коробку оставляю у календаря, — я поставил лекарство отдельно, на видное место у чайника, где оно не затеряется среди круп и консервов. — Расписание ваше; я только спасу коробку от аптечной археологии.

— Ты внимательный какой, — она посмотрела на меня с новым, чуть удивлённым интересом, будто курьеры обычно не задерживали взгляд на вещах вроде настенного календаря. — Врач сказал: два дня подряд пропущу — давление опять скакнёт. Со скорой потом хлопот больше, чем с таблеткой.

Я закрыл термобокс, открыл календарь напоминаний и положил телефон рядом с её бумажным листком: — Хотите, телефон возьмёт внука на подмену? Вы называете дни, я сейчас поставлю будильники, а отменить сможете одним нажатием.

Она удивлённо моргнула, но кивнула, и я взял со стола её старенький кнопочный телефон, поставил три будильника на нужные часы, подписал каждый коротким словом «таблетки», вернул ей в руки и показал, куда нажимать, чтобы отключить звук, когда сработает.

— Вот спасибо, — она прижала телефон к кофте, будто он вдруг стал ценнее, чем был минуту назад. — Имя-то назови: кого благодарить, если снова приедешь?

— Лев, — сказал я, подхватывая термобокс на плечо.

— Лёвушка, стало быть, — она заулыбалась и убрала телефон в карман кофты. — Хороший ты парень. Заходи ещё, если наш район твой будет.

Я вышел из квартиры, прикинул время в приложении — доставка заняла двадцать две минуты вместо пятнадцати норматива, семь минут сверх плана, потраченных не на дорогу и не на упаковку, а на разговор и разложенные по полкам банки. Экран приложения показал предупреждение жёлтым цветом: «Норматив превышен, возможна претензия клиента к времени ожидания».

«Пусть клиент жалуется, если хочет, — подумал я, спускаясь по ступеням подъезда на улицу. — Хотя вряд ли она это сделает — судя по тому, как она держала телефон с моими будильниками, жалоба на меня в её голове стоит примерно там же, где жалоба на собственного внука».

На лестнице янтарное тепло собрало случившееся в точную связку: банки на полках, лекарство у чайника, три будильника и семь минут сверх норматива. Помощь была принята вместе с её ценой. Система запомнила действие Курьева Льва Андреевича, а не красивое намерение помочь когда-нибудь потом.

Приложение сняло с рейтинга несколько баллов за семь лишних минут; ближайший премиальный заказ тут же опустился ниже моей позиции. Я показал экран Оксане, чтобы задержка не растворилась в красивых словах, и пошёл дальше. Цена выбора стала видимой, но повторить его я всё равно был готов.

Седьмой заказ подкосил меня там, где я меньше всего ожидал — не на лестнице, не на морозе, а на ровном месте у входа в супермаркет. Приложение поручило самостоятельную закупку по списку клиента: бутылка растительного масла, десяток яиц, пачка гречки, банка детского питания. Магазин находился в двух минутах от предыдущего адреса, и я рассчитывал управиться за пять минут. Именно в проходе между стеллажами, с корзиной в одной руке и телефоном в другой, тело вдруг решило, что с него хватит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.